

Фан Сынун, едва оправившись от пережитого ужаса, судорожно вскинул руки и крепко прижал к себе стоящего перед ним человека.

Обнял. По-настоящему. Не призрак.

Но действительно ли все это наяву? Этот человек не оттолкнул его, а мгновение спустя даже мягко коснулся его волос на затылке.

— Ты только что сказал... — Сердце Фан Сынуна колотилось как безумное. Он все еще не смел поверить, боялся расспрашивать, но и смолчать был не в силах. После долгого колебания он наконец решился выговорить: —...сойтись?

В ответ долго не доносилось ни звука, и в этой повисшей тишине его сердце мало-помалу леденело.

Когда отчаяние почти поглотило его, Юй Цюся тихо отозвался:

— Да.

Фан Сынун мгновенно воспрянул духом. Он приподнялся, пытаясь поймать взгляд Юй Цюся, но тот упрямо отводил глаза. Лицо его по-прежнему выражало напряжение; он лишь согнул пальцы и костяшкой снова бережно отер влажные дорожки у век Сынуна.

Захлебнувшись от хлынувшей радости, Фан Сынун не обратил внимания на его холодность. Он лишь торопливо переспросил, желая окончательно поверить в чудо:

— Правда? Мы и впрямь сошлись?

Юй Цюся медленно, тяжело выдохнул:

— Да, сошлись.

Теперь уже оцепенел сам Фан Сынун. Поверить в такое было выше его сил — даже в мире иллюзий он не осмеливался надеяться на подобный исход. В носу предательски закололо, к глазам вновь подступили жгучие слезы, но он вовремя прикусил губу и спросил о другом:

— Как ты вообще здесь оказался?

Только теперь Юй Цюся решился открыто взглянуть на него:

— Пришел за тобой. А как иначе?

При мысли о бескрайней, пугающей пустоши и оптических иллюзиях, которыми, похоже, изобилует этот мир, Фан Сынуу стало не по себе.

— Но ведь это безумно опасно... Какое счастье, что ты не заблудился.

— После вакцинации я вернулся к отправной точке, — пояснил Юй Цюся. — И пошел по той световой дорожке, что вела к тебе. Сбиться с пути там невозможно.

— О... — только и смог вымолвить Фан Сынун.

— Подняться сможешь? — спросил Юй Цюся.

Фан Сынун попытался встать. Тело еще плохо слушалось, но на третий раз, когда Юй Цюся подхватил его под локоть, ему наконец удалось подняться на ноги.

Пару раз встряхнув ногами, он размял затекшие суставы и вернул контроль над собственным телом.

— Пошли, времени в обрез, — Юй Цюся мягко придерживал его за талию. Теперь, когда они снова сошлись, это прикосновение казалось самым обычным делом.

По дороге Юй Цюся пересказал то, о чем поведала ему Ли Дэншуй перед тем, как они разошлись.

— Она копалась в настройках своего робота-дворецкого, «Марши», и обнаружила скрытый исполняемый файл. Он запрятан так глубоко, что требует пароля для запуска. Ей это показалось странным, и она решила спросить у меня совета. Файл называется «Ренатус» — по-латыни это значит «Возрождение».

Фан Сынуна, однако, зацепило иное имя:

— Марши?

— Да, — кивнул Юй Цюся. — То самое имя, которое ты нашел на бирке пальто за дверью детской.

— Зачем искусственному интеллекту пальто?.. — начал было Фан Сынун, но тут же сам все понял.

Марши когда-то была человеком.

Они все когда-то были обычными людьми.

Вот почему Овенна умел правильно заваривать чай, а Эллен действительно ценил этот вкус.

Но как их превратили в компьютерные программы? Как давно?

У них остались человеческие воспоминания, но понимают ли они сами, кем были когда-то?

И не скрывается ли среди них тот самый «главный герой»?

Дорога сюда казалась Фан Сыну бесконечной — он всерьез думал, что испустит дух прямо на полпути. Зато обратный путь пролетел незаметно: под боком шел Юй Цюся, а в голове теснились новые мысли. Не успел он опомниться, как они уже вышли к стартовой площадке.

Юй Цюся не ошибся — времени действительно оставалось в обрез. На пустыре перед входом уже дожидалась большая часть группы.

Беглый взгляд показал, что вернулось уже человек пять или шесть. Похоже, не хватало только доктора Чжань Чэнсяо и старого Цзин Шипина. Даже Ли Дэншуй, из-за которой все переживали, опасаясь, что она просто не поднимет тяжелый инъектор, уже благополучно стояла среди выживших.

Пу Тяньбай тоже заприметил их: подпрыгнув на месте, он оживленно замахал руками и припустил навстречу.

Но стоило им сойтись поближе, как Пу Тяньбай внезапно переменился в лице. На его физиономии отразился самый настоящий испуг. Уставившись на Фан Сынуна, он пробормотал:

— Брат Фан? Что с твоим...

Фан Сынун недоуменно моргнул:

— Что стряслось?

Однако Юй Цюся, не терпя возражений, по-хозяйски приобнял его за плечи и увлек за собой мимо опешившего парня. На ходу он лишь дружески похлопал Пу Тяньбая по плечу:

— Все нормально. Обсудим внутри.

И они втроем зашагали к остальным выжившим.

Взгляды остальных тут же скрестились на них. По мере приближения Фан Сынун уловил на их лицах точно такое же выражение замешательства и тревоги.

Молодежь по большей части быстро отводила глаза, понимая, что бесцеремонно пялиться неприлично, но Юй Чуньминь условностями пренебрег. Сначала он нахмурился, отвел взгляд, оглядел присутствующих, затем снова уставился на Сынуна. Прodelав это несколько раз, он наконец не выдержал и заговорил с той чисто обывательской, тяжелой многозначительностью, какая бывает у людей средних лет:

— Сяо Фан, твое лицо...

Фан Сынун уже и сам почувал неладное. Он невольно коснулся пальцами щеки, но ничего необычного не нащупал. Растерявшись, он повернулся к Юй Цюся:

— А что с моим лицом?

Однако Юй Цюся лишь осторожно перехватил его руку и опустил вниз:

— Ерунда. Просто немного покраснелось.

Тут Фан Сынуна осенило:

«Неужели этот паршивец мне лицо до синяков намял, пока приводил в чувство?»

— И что же вы все там «увидели»? — тоном, не терпящим возражений, Юй Цюся закрыл тему внешности своего партнера.

Пу Тяньбай сразу же вызвался ответить:

— Я... я видел Иньинь...

Но стоило ему начать, как Яо Ван, уставившись в темноту, перебила его:

— Старый Цзин возвращается.

Все разом обернулись. Действительно, вдоль одной из светящихся лент к ним со всех ног бежал Цзин Шипин. Фан Сынун, однако, тут же уловил странность: старик возвращался не по своей дорожке, а по той, что предназначалась для Чжань Чэнсяо. Поскольку сам Сынун шел первым, а доктор Чжань — вторым, их пути пролегли бок о бок. Ошибиться тут было невозможно.

Цзин Шипин бежал, спотыкаясь и помогая себе руками; добежав до площадки, он едва не растянулся на земле. Его лицо, всегда казавшееся воплощением надежности и спокойствия, сейчас было белым как мел. Трясущиеся губы едва выдавливали:

— Доктор Чжань... Доктор Чжань, он...

Люди плотным кольцом обступили его: одни поддерживали, другие хлопали по спине, помогая восстановить дыхание, — всем не потерпелось узнать подробности.

В этот момент стоявший с краю Хуа Тяньсяо внезапно пронзительно взвизгнул:

— А-а-а!

Все послушно повернули головы на крик. Там, в самом конце дорожки, откуда только что прибежал старик, медленно ковылял чей-то силуэт. Фигура шаталась из стороны в сторону, но даже издалека в ней легко угадывались очертания жуткой твари с заваленной набок головой.

— Он превратился... превратился в это чудовище! — содрогаясь всем телом, выплюнул Цзин Шипин.

— Закончив со своей вакциной, я посмотрел на часы — времени оставалось с запасом. Вот я и решил вернуться на развилку и пойти по дорожке доктора Чжаня, чтобы подсобить... Все вышло именно так. К глубокому сожалению, доктора больше нет с нами.

За обеденным столом Цзин Шипин заговорил вновь, напустив на себя вид глубокой скорби.

На столе дымились точно такие же изысканные яства, как и накануне, но прикоснуться к еде никто не решался. Над собравшимися повисло тяжелое, гнетущее молчание.

Фан Сынун видел, что старожилы действительно переживают потерю доктора — видимо, успели сблизиться за время прошлых испытаний. Новички же не выказывали особой скорби; на их лицах читался лишь глухой, парализующий страх.

Сам Сынун, впрочем, не мог позволить себе роскошь предаваться унынию. Да, они с Чжань Чэнсяо вместе выкарабкались из прошлого испытания. Да, именно Сынун забрал тот инъектор, на который претендовал доктор, и, проживи Чжань Чэнсяо чуть дольше, возможно... Но все эти мысли мигом растаяли под натиском дикого, животного голода.

Он хотел есть.

До одури, до рези в животе.

В отличие от вчерашнего дня, вид ломящегося от яств стола больше не вызывал у него тошноты. Напротив, каждый кусочек казался безумно желанным.

Этот сосущий голод терзал его с самого утра, едва он открыл глаза.

Взор его прикипел к главному блюду — запеченной утке. Ее золотистая, хрустящая корочка соблазнительно поблескивала в теплом свете ламп, источая густой, сводящий с ума аромат. Даже тончайшие, словно крылья цикады, рисовые блинчики и перья зеленого лука выглядели немыслимо аппетитно. Лук лоснился от свежести, будто его только что сорвали с утренней грядки...

Звонкий шлепок!

Чья-то ладонь бесцеремонно опустилась ему на лоб, заставив на миг зажмуриться, но этот резкий жест мгновенно рассеял морок.

Повернув голову, он наткнулся на холодный, словно лед, взгляд Юй Цюся.

— Не смей жрать, — отрезал Юй Цюся. — Захочешь есть — смотри на меня. Но к еде не прикасайся.

Фан Сынун с трудом сглотнул вязкую слюну и покорно угукнул:

— Хорошо.

— Что именно вы увидели в иллюзии «дерева»? — Юй Цюся резко перевел тему, обращаясь к притихшим выжившим. Заметив их нерешительность, он добавил: — Не бойтесь. Вчера я засекал время: у нас в запасе есть как минимум сорок минут для свободной беседы.

Люди все еще сомневались. Огромный, гулкий зал, до отказа забитый живыми людьми и жуткими тварями, по всем законам здравого смысла меньше всего подходил для секретных разговоров.

К тому же, стоило случайно обмолвиться запретным словом... Ужасная участь Чжу И до сих пор стояла у всех перед глазами.

— По моим прикидкам, расплата настигает нарушителей только во время самой игры, — веско добавил Юй Цюся. — А сейчас нам позарез нужно обменяться информацией.

Цзин Шипин прищурился:

— И что же привиделось тебе?

— Кое-что из юности, — Юй Цюся не стал увиливать от ответа. — Вообще-то я вырос в чрезвычайно строгой, деспотичной семье, но иллюзия «дерева» вернула меня в те редкие, теплые моменты детства, когда я был счастлив.

— О, я первый! — Пу Тяньбай нетерпеливо вскинул руку, спеша продолжить прерванную мысль. — Я видел Иньинь. Поначалу все было зашибись, а потом она возьми и заяви, что мы расстаемся... Ну, я, понятное дело, в слезы, умолять давай. Тогда она пообещала отвести меня в одно место, а под конец просто выставила вон...

Ро Шиши, несмотря на обстановку, не совладала с любопытством:

— А кто эта Иньинь?

Хуа Тяньсяо фыркнул:

— Бывшая его. А заодно — родная сестра нашего учителя Юй.

— Любимая девушка! И никакого «бывшая»! — Пу Тяньбай мгновенно взвился на дыбы. — Я согласия на расставание не давал!

Хуа Тяньсяо одарил его полным жалости взглядом:

— Да ради бога, как скажешь...

— Короче, — продолжил Пу Тяньбай, — мне еще наша собака привиделась, Кики. Она у нас когда-то потерялась, обыскались все, так и не нашли... А в этом сне — то есть, тьфу ты, в иллюзии — мы на нее наткнулись. Она сидела прямо за углом, куда мы в реальной жизни заглянуть не догадались, и лаяла на всю улицу...

Оговорка Пу Тяньбая, назвавшего иллюзию сном, пролетела мимо ушей Фан Сынуна. Он и сам ловил себя на мысли, что пережитое им слишком сильно смахивает на сновидение.

Обрывки воспоминаний связывала логика, далекая от законов реального мира, да и привычная хронология рассыпалась в прах.

В действительности та жуткая попытка Юй Цюся покончить с собой в ванной случилась вовсе не после того, как он оставил записку, а задолго до нее. Да и вены он зубами не рвал — просто наглотался снотворного.

А когда очнулся в палате, до последнего упрямо твердил, будто и в мыслях не имел лезть в петлю: мол, замучила бессонница, вот и переборщил с дозировкой. А вода в ванне окрасилась в багровый цвет вовсе не от крови — это он просто неловко задел бокал с красным вином, стоявший на бортике.

<http://bllate.org/book/20607/2238288>